

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-43-56

Т.В. Паликова, Н.Е. Жукова

**«... Я ПРИЕДУ К ВАМ УЖЕ НЕ КУРСИСТКОЙ,
ПРОСТО СВОБОДНОЙ ГРАЖДАНКОЙ СВОЕЙ РОДИНЫ»:
ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ НАЧАЛА XX В.**

T.V. Palikova, N.E. Zhukova

**“I WILL NO LONGER COME TO YOU AS A GIRL STUDENT,
BUT AS A FREE CITIZEN OF MY MOTHERLAND”:
A WOMAN IN THE SOCIO-POLITICAL CONTEXT
OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY**

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу писем уроженки города Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) Екатерины Александровны Сергеевой, в замужестве Танской, которые она писала родным и друзьям в процессе получения образования — сначала в Троицкосавской гимназии, а затем, с 1903 г., на Бестужевских высших женских курсах. Пореформенное развитие Российской империи привело к естественному изменению условий женского существования, значительно разнообразив его формы. Ведение в широкий обиход понятия личной свободы, модернизация системы образования стимулировали как процесс общественной эмансипации в целом, так и процесс женской эмансипации. Происходившие общественные перемены отражались в частной жизни современников, свидетельства чего мы находим в их личной переписке. В своих письмах Е.А. Сергеева выходит

Паликова Татьяна Вадимовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории исторического Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова (Улан-Удэ)

Palikova Tatiana Vadimovna, Doctor in History, Professor, Department of General and National History, Faculty of History, Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude)

tatianap25@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2299-0343

Жукова Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, заведующий сектором Научной библиотеки Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова (Улан-Удэ)

Zhukova Natalia Evgenievna, PhD Candidate in History, Head of the Division, Scientific Library, Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude)

nataliuiuk@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5652-163

за рамки женского «бытового» повествования, расширяя и обогащая его сюжетами, связанными с процессом обучения, размышлениями о прочитанных книгах и о происходивших общественно-политических событиях, самопрезентацией внутреннего «я». Письма героини можно условно разделить на троицкосавский период, в течение которого Екатерина много размышляла и писала о желании обрести свою автономность, и петербургский — период деятельной реализации обретенной самостоятельности. Кроме того, в письмах представлен процесс рождения женщины нового типа, не ограничивающей себя комплексом исключительно женских обязанностей. Исследование корпуса писем Екатерины Александровны Сергеевой (Танской) позволяет сделать вывод о начале процесса формирования круга «внедомашних» интересов женщин на окраинах Российской империи. Данный процесс развивался в течении XIX в. в центральных регионах империи, однако в Забайкалье он имел медленный и далеко не повсеместный характер. В целом письма Е.А. Сергеевой являются уникальным для региона историческим источником, позволяющим реконструировать историю глазами женщин, чей взгляд на личные, общественные и государственные события не был востребован специалистами в области социальных и гуманитарных наук вплоть до конца XX в.

Ключевые слова: гендерная история, эмансипация в России, женские письма, Верхнеудинск, Троицкосавск, Бестужевские женские курсы.

Abstract. The article examines letters by Ekaterina Aleksandrovna Sergeeva (Tanskaya), who was born in Verkhneudinsk (now Ulan-Ude), to her relatives and friends during her education at Troitskosavsk high school and, from 1903, the Bestuzhev Higher Women's Courses. The post-reform development of the Russian Empire greatly diversified women's living conditions. The introduction of the concept of personal freedom and the modernization of the educational system stimulated social emancipation in general, and women's emancipation in particular. Social changes are reflected in private lives, particularly in personal correspondence. In her letters, Sergeeva goes beyond the female "domestic" narrative, enriching it with pictures of education, reflections on the books she read and on socio-political events, and a presentation of her inner self. Her correspondence can be roughly assigned to the period in Troitskosavsk, when she thought upon and wrote extensively about her desire to become independent, and to the time in Saint Petersburg when she actively implemented her new-found independence. In addition, the letters reveal the birth of a new kind of woman, whose life is not limited to her female duties. The study of Sergeeva (Tanskaya)'s letters leads to the conclusion that the circle of out-of-home interests of women began to form even in the outskirts of the Russian Empire. While this progress developed in the central regions of the empire during the nineteenth century, it was slow and limited in Transbaikalia. Sergeeva's letters are a unique historical source for the region, allowing us to reconstruct history through the eyes of women, whose view of personal, social and state events was not examined by specialists in the social sciences and humanities until the late twentieth century.

Keywords: gender history, emancipation in Russia, women's letters, Verkhneudinsk, Troitskosavsk, Bestuzhev Higher Women's Courses.

Движение гражданской эмансипации в Российской империи началось еще в правление Екатерины II с издания «Жалованной грамоты дворянству» в 1785 г. Проблему введения личной свободы для всего населения обсуждали декабристы, а их жены впервые в истории России публично обозначили женскую позицию по отношению к действиям государства. В эпоху «Великих реформ» второй половины XIX в. введение в широкий обиход понятия личной свободы, модернизация системы образования стимулировали как процесс общественной эмансипации в целом, так и процесс женской эмансипации в частности. Интенсификация и технологизация труда, появление новых видов производств, в результате некоторого высвобождения рабочих рук, расширение сети учебных заведений, изменение структуры рынка труда — все эти факторы создавали условия для проявления активности в различных сферах экономической и социальной жизни различными группами населения, в том числе женщинами. Получение женщиной образования и ее последующее желание заниматься общественно значимым трудом, продиктованные отчасти экономической необходимостью, уже не воспринимались только как «дамский каприз», а укоренялись как все более обыденная повседневная практика. Экономическая востребованность женского труда во второй половине XIX в. порождала новые представления о сущности женщины, которая теперь могла реализовать себя не только в роли матери и жены, но и служащей, учительницы, заводской работницы и т.д. Политическое и социально-экономическое развитие пореформенной России заложило основы женского самосознания, ее идентичности в мускулинном мире.

Гендерная история — достаточно новая отрасль в комплексе социогуманитарных наук, получившая развитие во второй половине XX в. Классическим представителем гендерных исторических исследований на Западе является Джоан Скотт, которая включила термин «гендер» в активный научный дискурс. Последующее развитие гендерное виденье истории получило в трудах Г. Бок¹, Л.Д. Николсон², У. Фреверт³. В отечественной исторической науке гендерное направление заявило о себе в 1990-е гг. исследованиями Н.Л. Пушкаревой⁴,

¹ Bock G. Women's History and Gender History: Aspects of an International Debate // *Gender and History*. 1989. Vol. 1. N 1. P. 7–30.

² Nicholson L.J. *Gender and History. The Limits of the Social Theory in the Age of the Family*. New York, 1986.

³ Frevert U. *Frauengeschichte — Mannergeschichte — Geschlechtergeschichte // Feministische Perspektiven in der Wissenschaft / L. Blattman et al (Hg.)*. Zurich, 1993.

⁴ Пушкарева Н.Л. *Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X — начало XIX в. Невеста, жена, любовница*. М., 1997.

Л.П. Репиной⁵. Новейшие изыскания по гендерной истории представлены работами О.А. Ворониной⁶, И.Р. Чикаловой⁷.

Задавшись вопросом, насколько широко модернизационный тренд, охвативший центральную Россию, проник на ее окраины, авторы данного исследования поставили цель проанализировать трансформацию социальной природы женщины трансграничного региона под влиянием процессов эмансипации общества и роста роли женщины начала XX в., что предполагало применение ряда научных методов, способных приблизить «фокус» изучения к человеку и его проблемам.

Говоря об источниковедческой характеристике рассматриваемого комплекса писем уроженки города Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) Е.А. Сергеевой, необходимо отметить следующее. Письма написаны чернилами на бумаге разного сорта, например, почтовой, различного размера и посткартах. Письма достаточно объемные, по 5–7 листов в среднем, собранные архивистами в годовые подшивки. Письма прошиты в некоторой степени хаотично, и не всегда страницы одного и того же письма находятся в одной подшивке. Письма написаны достаточно разборчиво, поля как таковые отсутствуют, «послесловия» и зачеркнутые по тем или иным основаниям слова и предложения встречаются редко, что указывает на цельность и структурированность авторского изложения. Вместе с тем, часто встречаются приписки и дописки, сделанные автором в верхнем поле или крупным шрифтом поверх текста последней страницы, как правило, заверения в любви и долгой памяти. Иногда письма писались в течение нескольких дней, о чем автор извещал на первой странице или в тексте, начиная продолжение с указания даты. Сохранность документов хорошая. Встречаются, однако, затеки отдельных страниц. Содержанием дел также являются конверты со штапелями и аутентичными почтовыми марками, что, предположительно, связано с важностью местонахождения для Е.А. Сергеевой (Танской), и конверты более позднего времени, лишённые обозначения места жительства и точной даты написания писем, что затрудняло их атрибуцию и систематизацию.

Процессы женской эмансипации, пусть с разной динамикой, протекали практически во всех уголках Российской империи, в том числе

---

⁵ Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 41–58.

⁶ Воронина О.А. Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп. М., 2002. С. 18–33.

⁷ Чикалова И.Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития. — URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/chikalova.htm> (дата обращения 13.08.2021).

и на восточных ее окраинах. Забайкалье, являясь трансграничным регионом, представляло собой некий сплав многих традиционных укладов и, соответственно, взглядов на положение женщины в обществе. Специфика Забайкалья, заключающаяся в колонизаторском характере его освоения, приграничном положении региона, преобладании военных над штатскими, удаленности его от центров культуры и образования, отражалась на положении женщин. Особенности женской эмансипации региона видятся в ее объективно низкой динамике, в некотором однообразии ее форм, а также в отсутствии механизмов вовлечения женщин в общественную жизнь. Женские общественные организации, которые могли бы стать одним из направлений женского участия, на рубеже XIX–XX вв. были немногочисленны. Как и прежде, ключевой сферой «занятости» женщины в Забайкалье, аналогично большинству других регионов страны, была семейная повседневность, в которой на женщину возлагались обязанности по организации семейного быта и воспитанию детей.

Однако развитие пореформенных процессов в обществе и, как следствие, общая демократизация социальных устоев приводили, хотя и медленно, к изменению понимания роли женщины и в далеком Забайкалье. Первые женские учебные заведения в регионе открылись во второй половине XIX в., а к началу XX в. сеть учебных общеобразовательных и средних профессиональных заведений для девушек заметно расширилась. Женские училища (в том числе епархиальные и повивальных бабок), прогимназии и гимназии появились в городах Верхнеудинске, Троицкосавске, Нерчинске и Чите. В этот же период открылись первые общественные библиотеки, музеи, организованные городской интеллигенцией и политическими ссыльными, начался процесс самоорганизации социума — формирование сети обществ творческого (любителей театрального и музыкального искусства, литературы) и благотворительного характера (прежде всего — направленных на поддержку учебных заведений и социально униженных граждан).

Характеризуя положение женщин России в целом и Верхнеудинска в частности на рубеже XIX–XX вв., городской врач М.В. Танский писал, что «женщинам приходилось жить в это время, как потом германский канцлер Вильгельм II сформулировал их предназначение в пресловутой тираде: *Kinder, Küche und Kirche* (церковь, дети, кухня). Но от домостроя все же ушли — представлялись права: учительствовать, быть повивальными бабками и сестрами милосердия. Несколько позднее стали пускать на службу и телеграф»⁸. Вышеприведенный

---

⁸ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1778. Семья Танских — старожилы г. Верхнеудинска. Оп. 1. Д. 31. Л. 77.

фрагмент воспоминаний Танского говорит скорее о неизбежности процессов женской эмансипации, имеющих на окраинах империи менее динамичный и драматичный характер, нежели в центральных регионах.

В центре нашего исследования — судьба и образ Е.А. Сергеевой (будущей жены М.В. Танского), отраженные в ее письмах к родным, друзьям и будущему мужу. В своих письмах Екатерина Александровна описывает эпизоды своей частной жизни, а также важные общественно-политические события в России в начале XX в., являясь их непосредственной свидетельницей. В размышлениях, комментариях, мечтаниях автора, в самом стиле писем мы можем проследить процесс рождения женщины нового типа, женщины, не ограничивающей себя комплексом исключительно женских обязанностей.

Е.А. Сергеева (Танская) родилась 26 октября (ст. ст.) 1885 г. в Чите, в семье сосланного дворянина Александра Сергеева. По окончании Верхнеудинской женской прогимназии Екатерина с 12 лет получала образование в Троицкосавской женской гимназии, откуда писала родным и друзьям. Письма еще совсем юной Кати Сергеевой поражают своей искренностью и цельностью. 20 ноября 1898 г. Катя писала сестре Марии Верхотуровой, что мечтает о скорейшем завершении 4-летнего гимназического цикла, когда она будет «свободной и независимой» и сможет без затруднений «осуществить свои планы и надежды»⁹. При этом нужно помнить, что дети негимназических городов очень рано начинали самостоятельную жизнь, обучаясь в гимназии вдали от семьи, живя на съёмных квартирах. Правда, Е.А. Сергеевой повезло в большей степени, чем ее будущему мужу: она поступила в гимназию в не слишком отдаленном Троицкосавске, тогда как М.В. Танскому в 10 лет пришлось переехать в Иркутск.

Писала наша героиня на рубеже XIX–XX вв. главным образом сестре Марии в Мысовск, Ярославль и Харьков. Обращениями к сестре — «моя милая Маруся», «моя светлая Маруся», «моя дорогая...», «Марусичка» (традиционное ласковое обращение в интеллигентных семьях) — и подписью в конце писем «твоя Катя» или «Катенька» — девушка подчеркивала свою особенную эмоциональную с ней близость. В ее письмах — целый спектр мотивов, рисующих привязанность к сестре, как, например, постоянные просьбы «прислать фотокарточку», помолится «обо мне», «поцеловать», «благословить», писать и не забывать «свою сестру Катю». В письме от 17 февраля 1901 г. Катя Сергеева писала Марии: «Как у меня тяжело было на

---

⁹ ГАРБ. Ф. Р-1774. Е.А. Танская заслуженный учитель РСФСР. Оп. 1. Д. 118. Письма Е.А. Танской родным и друзьям. Л. 77.

душе в это время. Я ждала от тебя письма как солнца...»¹⁰. Упомянутые эмоциональные средства подчеркивают гендерный характер письма и соответствующие представления о том, что письма должны обладать не только информационной ценностью, но и некими «подтверждениями» эмоционально-родственных связей.

По утверждению ученых, «обыденное сознание женщины-дворянки “охватывало”, как правило, локальное коммуникативного пространства. В повседневной жизни дворянка, особенно провинциальная, вращалась в сравнительно узком кругу родных, соседей и знакомых...»¹¹. В этой связи письма Кати Сергеевой заметно выделяются большей концентрацией на собственной персоне: от перипетий личной и семейной жизни, значимых событий процесса обучения, до попыток определения своего места в жизни и конструирования своего независимого «я».

Большое место в переписке с сестрой Катя уделяла попыткам понять себя, найти свое место и предназначение. Так, сетуя в письме к Марии летом 1899 г. на неопределенность своего будущего после окончания гимназии, она пишет, что поступит на телеграф и будет откладывать деньги. «... Я дала слово, что рано или поздно, а я уеду в Россию, что я могу быть *таким же человеком, имеющим право жить, как хочу, как и другие*»¹² (курсив наш. — Авт). Становление личности происходило через образование и книги, которых Екатерина в период обучения в Троицкосавске читала много и жадно, заставляла «читать других». Их список довольно широк: от признанных классиков — А. Пушкин, Н. Некрасов, Н. Гоголь, А. Островский, Н. Гончаров, В. Шекспир, Стендаль, Ч. Диккенс, до современных ей писателей — Ф. Шпильгаген, А. Толстой, М. Горький, Г. Данилевский. Но вместе с тем мысль о том, что «...я чувствую, как мало я знаю в сравнении с другими людьми»¹³, стала лейтмотивом существования девушки как в гимназии, так и вне ее стен.

Тема отъезда «в Россию» как некий обязательный элемент в письмах Сергеевой к ее сестре Марии Верхотуровой является одновременно и целью, и средством обретения ею самостоятельности, ключом к независимой жизни и, наконец, способом установления личного общения с сестрой. Свое желание отъезда юная Катя прочно соединяла с желанием продолжить свое образование, не определившись, однако, с будущим профессиональным направлением.

---

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Белова А.В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX и XX–XIX веков // Культура и текст. 2016. № 2. С. 117.

¹² ГАРБ. Ф. Р-1774. Оп. 1. Д. 118. Л. 102.

¹³ Там же. Л. 21.

«...Катну на медицинские курсы», «пожалуй, и я поеду», «...жалко, что не пришлось нынешний год поучиться в Чите, там в восьмом классе учат латынь довольно серьезно», «... ехать на педагогические коллективные курсы мне не хочется», — так рассуждала про свои образовательные перспективы Катя.

Продолжая, она писала: «не хочется мне поступать на телеграф ужасно, но опять-таки это единственное место, служа на котором я буду иметь возможность попасть когда-нибудь в Россию к тебе поближе, дорогая Маруся»¹⁴. В то же время, желание уехать определялось достаточно четким осознанием больших возможностей в центре страны, чем на окраине с ее неприглядной жизнью: «какая у нас тина, какое болото окружает. Ах скорей бы выбраться отсюда... Тяжело сознавать и быть все-таки в этой тине...»¹⁵; «Только скорее вырваться из этого омута Троицкосавска»¹⁶; «Время идет тихо и однообразно, как всегда»¹⁷; «Ты представить себе не можешь, какая однообразная здесь жизнь. Все новое проникает через много времени, претерпевши и вынеся много препятствий, в каком виде является оно сюда»¹⁸. Но и в Верхнеудинске, дома, время «проходит однообразно и скучно»¹⁹. В последующем отъезде в Россию, как вероятность, связывалась с замужеством. Так, в письме к сестре 30 августа 1900 г. (в котором Екатерина рассказывает, что была просватана в июле) читаем: после окончания 7 класса «особо не медля, повенчаемся и поедем в Россию».

Нужно заметить, что в «бытовом языке» жителей восточных окраин империи выражение уехать «в Россию» существовало вплоть до революции 1917 г. и символизировало политико-административное обособление от ее центральной части.

В письмах Екатерины можно проследить отношение ее семьи к получению женщиной образования и выделить несколько линий женского поведения. После окончания женской гимназии в Троицкосавске в 1901 г. в семье начал обсуждаться вопрос о продолжении Катей образования, который имел «жгучий» характер, и в доме шли «горячие дебаты». Ранее старшая сестра Екатерины Зинаида уже высказывала мысль о том, что не хотела бы пускать ее на курсы, а теперь и золовка «находит, что я переучилась...». «Раздражает то, что они смотрят на жизнь глазами допетровского времени или глазами

---

¹⁴ Там же. Л. 147.

¹⁵ Там же. Л. 78.

¹⁶ Там же. Л. 91.

¹⁷ Там же. Л. 80.

¹⁸ Там же. Л. 28.

¹⁹ Там же. Л. 3.

какой-нибудь схимницы...», — подытоживает свои переживания девушка. Неслучайно Екатерина так близко общается лишь в Марией, ведь она пятый, а Мария четвертый ребенок в семье, и возрастная разница между ними незначительна, в то время как старшие сестры, Александра и Зинаида, смотрят на Екатерину, как на ребенка, а сами являются для нее представительницами некоей архаики. Если Мария выполняет роль подруги, то старшие берут на себя родительские функции. Поэтому в письмах мелькают досадные и почти безнадежные замечания: «...проживешь всю жизнь и будешь бесконечно плясать под дудку Зины или Шуры»²⁰. Однако тяга к знанию и желание найти «ответы на все вопросы» преодолела патриархальное отношение к месту женщины, и в 1903 г. Екатерина Сергеева становится студенткой Бестужевских высших женских курсов.

Спор с Зинаидой о важности и необходимости получения образования продолжился и после отъезда Екатерины. В преддверии поступления на высшие женские курсы, уже из Петербурга, она писала Марии в Харьков: «дома отстаивала это право (обучения на курсах. — *Авт.*) с трудом. Но зато Зина сказала, что она мне не даст ничего. Задело»²¹. Петербург понравился Екатерине своей живостью, которую она противопоставляла серенькой, «скучненькой» обстановке провинциальной жизни²². Но вместе с тем, Екатерину весь период обучения не покидало чувство одиночества, «чувство тоски и давления», на которые девушка жаловалась подруге Соне.

Санкт-Петербургский период в переписке Екатерины заметно отличался от забайкальского, во-первых, разнообразием адресатов, которыми теперь являлись практически все члены семьи, а также верхнеудинские друзья. В отличие от троїцкосавского периода Катя чаще пишет матери, Зинаиде и ее мужу Петру Тивуртиевичу Труневу, подруге Соне Пузановой. Во-вторых, в своих письмах Екатерина старалась осветить гораздо больше тем, связанных не только с самой учебой, но и с многочисленными общественно-политическими и культурными событиями, свидетельницей которых она являлась.

В письмах этого периода Екатерина уже не пишет о желаемой когда-то свободе и независимости, не акцентируя внимание на этих задачах, теперь она их реализует. Петербург дал Екатерине как никогда широкие образовательной и культурной самореализации, ее жизнь стала насыщенной и ярче. Осенью 1904 г. курсистка посетила многие выдающиеся спектакли, в том числе «Нору» с В. Комиссаржевской в главной роли, и «тут только ... поняла тех

²⁰ Там же. Л. 149.

²¹ Там же. Л. 143.

²² Там же. Л. 191.

психопатов и психопаток театральных, что по часам ждут выхода артистов, чтобы только прикоснутся к зонтику, руке или коляске»²³. «Слышала нынче Федьку Шаляпина... Мало того, что поет хорошо, еще чудно играет»²⁴. Сама Екатерина охотно пела цыганские романсы и участвовала в любительских спектаклях, и друзья находили в ней «драматическую жилку», но в силу разных причин творческие потребности не были ею реализованы.

Как и прежде, Екатерина большую часть времени посвящает непосредственно учебе и чтению, постоянно чувствуя свое несовершенство и неподготовленность, что «даже досадно, что учась 10 лет знаешь так мало»²⁵. Для Екатерины настал деятельностный этап реализации своего я. На собрании курсисток по вопросу выборов в кассу взаимопомощи, на котором, по мнению девушки, был неправильно поставлен вопрос (содержание «вопроса» она не уточняет), Екатерина «вскочила на стол, попросила слова и, конечно, своим голосом моментально покрыла всю аудиторию и заставила себя выслушать себя до конца»²⁶. Возможно, это описка, двойное «себя», но насколько показательна для самоутверждения. Оказавшись в гуще событий, молодая девушка энергично реагирует на все происходящее в большом мире, не сковывая себя рамками предписанной гендерной роли или соответствующего воспитания.

Способность к адекватному описанию «внешнего» мира проявилась еще в ранних письмах Екатерины, но в петербургский период ее наблюдательность приобрела большую остроту. В ее письмах мы обнаруживаем ряд политических сюжетов, изложенных как в виде простых описаний, так и снабженных ее собственной оценкой. Так, например, о рождении наследника престола цесаревича Алексея Сергеева пишет: «ждали больших празднеств — ничего не было, иллюминация была плохая. В колокола звонили мало... Ждали народных манифестаций — ни звука...». Далее в письме сестре Зине Екатерина продолжает: «Читаю телеграммы о войне (русско-японской. — *Авт.*) все время, но здесь как-то о ней говорят меньше даже, чем у нас, должно быть этому причиной дальность расстояний». Одновременно девушка чувствовала недостаток сведений из Верхнеудинска: «Хоть бы телеграмму или что-нибудь послали, а то ничего не знаю и не знаю»²⁷. Свои вопросы о положении дома Екатерина

---

²³ Там же. Л. 321.

²⁴ Там же. Л. 199.

²⁵ Там же. Л. 199.

²⁶ Там же. Л. 325.

²⁷ Там же. Л. 287.

адресовала подруге Соне: «Что делается у нас? Спокойно ли? Много ли раненых? Что говорят о совместном внутреннем движении?»²⁸.

Безусловно, революция 1905–1907 гг., особенно ее начальный период, произвела на современников большое впечатление, став огромным событием и в частной жизни людей. Не стала исключением и Екатерина Сергеева, которая написала отдельное письмо в Верхнеудинск, целиком посвященное «кровавому воскресенью» 9 января 1905 г. Особенностью данного письма, кроме монотематики, также является наличие коллективного адресата: «Милые мои и дорогие...».

Начинается письмо с описания «вкратце» предшествующих событий, с обозначением ключевых и политических фигур, с ними связанных. Само 9 января Екатерина описывала как событие трагическое, ужасное. Идущих к Зимнему дворцу «стройно, тихо, безоружно» рабочих «с иконами, портретами государя, хоругвями...» войска встретили «дружными залпами. Народ валился стенами. Все бросились бежать, так как никто не думал, что это могло иметь место в ответ на просьбу народа видеть своего царя. Женщины плакали, закрывая собою своих детей, и, пораженные пулями, падали на них же. Молодые рабочие, подхватив на руки девушек и старых, бежали, перепрыгивали с мостов на лед, падали и тут же, разбитые вдребезги, умирали. ... Стон, плач, крики и пальба целый день висели над Петербургом»²⁹.

Далее Екатерина рисует родным и друзьям образ Георгия Гапона: «смелое энергичное лицо, правда глаза его горят каким-то фанатичным огнем, но впечатление получается невыразимо хорошее», и обещает прислать его фотографию. Говоря о стачках и боях последующих дней, она описывает их словом «озверение». «Как было не дойти до этого, когда вооруженные солдаты и казаки, пользуясь силой и превосходством оружия, били и убивали с каким-то воодушевлением и удовольствием»³⁰.

На следующих страницах письма Екатерина описывает весьма точно масштаб забастовок, произошедших по всей стране, а также остановку учебного процесса в Петербурге, вызванную забастовочным движением. «Теперь гнусное правительство объявит все подкупом японцев, жалкие труссы!», — резюмирует она. В завершении письма Екатерина сообщает, что за границей уже называют царя «Николаем последним», и интересуется, «реагирует ли Сибирь и чем на эти события?»

²⁸ Там же. Л. 277.

²⁹ Там же. Л. 240.

³⁰ Там же.

В последующих письмах Екатерина продолжает тревожиться по поводу создавшегося вокруг нее информационного вакуума. Так, например, в письме к своему будущему мужу верхнеудинскому врачу Михаилу Владимировичу Танскому 13 января 1905 г. девушка вновь и вновь интересуется: «Неужели ничего не долетает туда (в Верхнеудинск. — *Авт.*)?» Там же она сообщает, что «устала-устала», но «рада, что здесь, что могу все видеть, все слышать! Могу переживать исторические моменты»³¹.

Тема «внешнего мира» занимает большое место в переписке будущих мужа и жены в 1905 г., что свидетельствует о постепенно меняющемся статусе женщины в обществе, прогрессивных идеалах и убеждениях Екатерины, о нарождающейся востребованности «женского взгляда» на масштабные исторические события. Острое осознание важности постоянного получения информации о происходящих событиях (М.В. Танский многократно повторяет мысль об «отрезанности от всего мира», отсутствии газет и писем) и понимание, что достоверные известия можно получить только от очевидцев, заставляли обращаться с вопросами: «Что делается у вас в Птб?»³²; «...порасскажи, что делалось у вас в Петербурге, каких великих событий была ты... свидетельницей?». Однако разорванность информационного поля была двухсторонней, и верхнеудинские «петербуржцы» тоже пытались выяснить достоверность слухов: «Как у вас дела в Верхнеудинске?»³³.

В ответ на многочисленные вопросы Екатерины М.В. Танский писал про «всё то же невсколыхнувшееся болото», где «мы как зрители, любуемся издали за тем, что происходит, с захватывающим интересом и большим сочувствуем к разыгрывающейся трагедии, но дальше этого не идем. Поэтому камня не положим для будущего великого здания свободной, важной жизни...»³⁴. Интересно, что несмотря на различие общественно-географических условий, в которых проживала Екатерина Сергеева и Михаил Танский, несмотря на их возрастную разницу почти в 30 лет и соответственно различный жизненный опыт, они совпадали в оценке величия и трагичности происходящих революционных событий. Для М.В. Танского Екатерина стала надежным и верным другом, в письмах к которому можно было описать личные тревоги, поразмышлять о политических событиях, сравнить общественную жизнь в столице и в провинции.

³¹ Там же. Л. 244.

³² Там же. Д. 31. Л. 2

³³ Жукова Н.Е., Паликова Т.В., Палхаева Е.Н. Ключевые события начала первой русской революции 1905 года глазами рядовых жителей уездного Верхнеудинска // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 4. С. 114.

³⁴ ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

Необходимо добавить еще несколько штрихов к портрету молодой женщины со сформировавшимися взглядами и представлениями о жизни. Из писем совсем еще юной Кати можно установить, что она по крайней мере дважды оказывалась на пороге замужества, что было следствием либо «душевного порыва», либо желания обрести самостоятельность. Отношения же с М.В. Танским, напротив, были более ровными и глубокими, в ходе которых Екатерина долго не могла определить, что же их связывало. Наконец, когда Екатерина уже решила вернуться в Верхнеудинск, она пишет Танскому очень характерную для нее фразу: «... я приеду к Вам уже не курсисткой, просто свободной гражданкой своей Родины»³⁵. Таким образом, вступление в брак для Екатерины не мыслилось как акт преломления личности, повод отказаться, в том числе, и от своей гражданской позиции, взглядов и убеждений. Брак Танских, о чем свидетельствуют документы, был символом нарождающегося гендерного равенства.

Сразу после возвращения в родной город Екатерина стала работать учительницей. Она прожила долгую жизнь — 95 лет. Ее общий стаж работы в школе составил 50 лет. Е.А. Танская была отмечена званием Заслуженного учителя Бурятской АССР.

Таким образом, исследование корпуса писем Екатерины Александровны Сергеевой (Танской) позволяет сделать вывод о начале процесса формирования круга «внедомашних» интересов женщин на окраинах Российской империи. Названное движение имело место в течение XIX в. в центральных регионах империи, а в Забайкалье оно носило медленный и не повсеместный характер. Однако культурные и социально-экономические условия для реализации стремления женщины к независимости начали складываться и здесь.

Екатерина — не первая забайкальская женщина, которая осознала необходимость получения образования и, возможно, не единственная писавшая об этом. В региональном разрезе письма Е.А. Сергеевой являются уникальным сохранившимся источником личного происхождения, в котором получение профессионального образования представляется неотъемлемой частью жизни женщины. Ее письма рубежа XIX–XX вв. можно разделить на два смысловых этапа: троицкосавский, в течение которого Екатерина много размышляла и писала о желании обрести свою автономность, и петербургский — период деятельностной реализации обретенной самостоятельности. Логическим завершением становления личности Екатерины стало решение о браке, в который она вступала свободной и независимой.

---

³⁵ ГАРБ. Ф. Р-1774. Оп. 1. Д. 118. Л. 318.

Письма Е.А. Сергеевой — ценный исторический источник, позволяющий увидеть процесс женской эмансипации «изнутри» как явление органичное женской природе, тесно связанное с динамикой общественно-политического развития. Кроме того, предложенный корпус писем — редчайшая возможность посмотреть на ключевой процесс первого десятилетия XX века — революцию 1905–1907 гг. — глазами жителя восточной окраины империи, глазами женщины. Следовательно, письма — это политематический исторический источник, позволяющий получить представление о разных гранях исторической действительности.

References

Belova A.V. *Zhenskaya epistolyarnaya kul'tura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX i XX–XIX vekov* [Women's Epistolary Culture in Russia at the Turn of the 18th and 19th, 20th and 21st Centuries] // *Kul'tura i tekst*. 2016. N 2. P. 167–185.

Bock G. *Women's History and Gender History: Aspects of an International Debate* // *Gender and History*. 1989. Vol. 1. N 1. P. 7–30.

Chikalova I.R. *Zhenskaya i gendernaya istoriya. Sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Women's History and Gender Studies. State and Prospects of Development] — URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/chikalova.htm>

Frevort U. *Frauengeschichte — Mannergeschichte — Geschlechtergeschichte // Feministische Perspektiven in der Wissenschaft* / L. Blattman et al. (Hg.). Bd. 21. Zürich: Zürcher Hochschulforum, 1993. S. 23–40.

Nicholson L.J. *Gender and History. The Limits of the Social Theory in the Age of the Family*. New York: Columbia University Press, 1986. 238 p.

Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v doindustrial'noy Rossii. X — nachalo XIX v. Nevesta, zhena, lyubovnitsa* [Private Life of a Woman in Pre-Industrial Russia. Bride, Wife, Lover]. Moscow: Lodomir, 1997. 381 p.

Repina L.P. *Gendernaya istoriya: problemy i metody issledovaniya* [Gender History: Research Problems and Methods] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1997. N 6. P. 41–58.

Scott J.W. *Gender: A Useful Category of Historical Analysis* // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91. N 5. P. 1053–1075.

Voronina O.A. *Formirovaniye gendernogo podkhoda v sotsial'nykh naukakh* [Formation of the Gender Approach in the Social Sciences] // *Gendernyy kaleydoskop* [Gender Kaleidoscope]. Moscow: Academia, 2002. P. 18–33.

Zhukova N.E., Palikova T.V., Palkhayeva E.N. *Klyuchevyye sobytiya nachala pervoy russkoy revolyutsii 1905 goda glazami ryadovykh zhitel'ey uyezdnogo Verkhneudinsk* [The Key Events of the 1905 First Russian Revolution through the Eyes of Ordinary Residents of Verkhneudinsk] // *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2020. N 4. P. 113–117.

Поступила в редакцию
9 сентября 2022 г.